

The background of the cover is a surreal landscape. In the foreground, there's a wide, sandy beach with gentle waves washing onto it. The water is a pale, milky yellow. In the middle ground, there are rolling green hills and a range of dark, jagged mountains. The sky is a deep, dark brown, and a massive, glowing orange planet with a smaller, greenish moon-like satellite is the central focus. A bright yellow sun is visible in the upper left corner.

Павел Баулин

Возлюбленный
Смерти

Павел Баулин

ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ
СМЕРТИ

СТИХИ

Другу и софистичку
Ивану Петрову
Симоненко
от автора
с пожеланием своего
оставаться воскресным
днем!

Киев

Журнал «Радуга»

2014

Павел Баулин

Киев. 17.07.2015г.

ББК 884.4УКР=РОС

Б 29

В новую книгу с шокирующим названием «Возлюбленный Смерти» русского поэта Павла Баулина вошли стихи-размышления о природе и сущности человеческого бытия. При этом парадоксально-философская лирика поэта охватывает не только период нашего физического воплощения, но даёт свою версию контактов с иными мирами и даже пребывания в иных воплощениях, за гранью, разделяющую Жизнь и Смерть. Эту книгу естественно и полноценно дополняют любовная лирика Павла Баулина, его ироническая поэзия. И всё на ту же тему.

Рисунки Уильяма Моти

© Баулин П., 2014

ISBN 978-966-281-020-2

© Журнал «Радуга», 2014

Первое свидание, эпатажная влюблённость, неоконченный роман

Слово к читателю

*Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал
И милых жен лобзаний не достоин.*
А. С. Пушкин

Моё вступительное слово, дорогие читатели, – это своеобразная пояснительная записка, необходимая для адекватного восприятия не только названия и содержания книги, но и моего пристрастия к означенной теме.

Хорошо запечатлелись в памяти мои первые размышления о смерти. Не просто хорошо, а я бы сказал, неестественно ярко запечатлелись.

Мне шесть лет. Я у бабы Ани в деревне Пригорье на Смоленщине. Баба Аня – это Анна Львовна Николаева, урождённая Плаксина – моя бабушка по материнской линии. Раннее-раннее летнее утро. Сегодня мы едем в Рославль, районный центр, к бабушкиной подруге Анастасии Ивановне. Два километра пешком до станции, плюс двадцать пять – на

поезде. Я чрезвычайно возбуждён в предчувствие поездки и поэтому просыпаюсь, едва начинает светать. Моя постель устроена на старинном сундуке возле маленького окошка, из которого видна часть бабушкиного сада, встречающего утро ленивым шелестом листьев.

И вдруг детское: а что если меня похоронят живым? Я буду просто крепко спать, а подумают, что я умер. И проснусь в гробу уже под землёй. Помнится, мне не было страшно от этих наивных рассуждений; просто не хотелось, чтобы совершилось непоправимое! И вот с тех пор мысли о сущности смерти часто не давали мне покоя. Не думаю, что это какое-то психическое отклонение. Ибо «смерть достаточно близка», как говорил Ницше, добавляя, правда, «чтобы можно было не страшиться жизни».

Когда тридцать лет спустя баба Аня умерла, я снова вспомнил то пригорьевское утро и своё детское «вдруг меня похоронят живым». Я взял зеркальце и хотел поднести его к губам бабушки, чтобы по испарине определить: не дышит ли она? Но мама (её дочь) почему-то мне не разрешила это сделать...

Итак, Рославль далёкого лета. Мы с бабой Аней гостим у Анастасии Ивановны Конёнковой на улице Пролетарской, 174. Пролет-

тарской она называется в пределах города, а вообще-то это знаменитое Варшавское шоссе. Да и Анастасия Ивановна знаменита в округе тем, что является племянницей выдающегося скульптора Сергея Тимофеевича Конёнкова - «русского Родена», близкого друга Сергея Есенина.

Поездка, новые места, иные впечатления эмоционального дня меня совершенно сморили. Решено было на ночёвку остаться в Рославле. И в эту ночь мне приснился странный сон, более чем странный. Мне снилось то, что я, шестилетний пацанёнок, никак не мог ни видеть, ни знать. Более того, во сне я ощущал себя взрослым человеком, осознавал, где я и что со мной происходит. Это был то ли храм, то ли крепостной замок. Помню, вначале я шёл по каким-то вроде бы подземным лабиринтам, долго поднимался по приставной деревянной лестнице, открывал крышку люка, оказывался в большой комнате на более высоком ярусе. Что-то искал в деревянных коробах, причём, знал, что мне надо найти. Помещение было тускло освещено, но это не производило гнетущего впечатления. Однако «витала» непередаваемая давящая тревога, и эта тревога (я осознавал это во сне) исходила от меня самого, точнее, как бы изнутри меня, а может, из моих мыслей.

В девяностые годы (я тогда работал обозревателем одной из запорожских газет) у нас в редакции появлялся странноватый сумрачный тип. Неухоженный какой-то и, по-моему, крепко закладывающий в одиночку. Он составлял гороскопы, которые печатала наша газета, предлагал индивидуальные астрологические прогнозы «за умеренную плату» и прочую чушь. В общем, такой забавный, не вредный шарлатан. Как-то я угостил его в пресс-баре. Опохмелившись, он вперил в меня свой «магический» взгляд и выдал:

– Могу сказать, кем ты был в прошлой жизни.

– Нет, – сказал я, – моя вера не признаёт реинкарнаций.

На том и разошлись. Однако через неделю автор гороскопов выдал мне небольшую компьютерную распечатку. Помнится, я вскоре выбросил эту бумаженцию, но из любопытства предварительно, конечно же, прочитал. Там значилось, что «я» жил в Сербии то ли в XVII то ли в XVIII веке и был кем-то вроде служки в храме.

И так случилось, что в сентябре 2000 года я побывал в Сербии (тогда ещё Югославии) в качестве международного наблюдателя на

президентских выборах. Одна из поездок была в Воеводину, в Нови Сад. Мы сидели в кафе на дунайской набережной, фотографировали разбомбленный натовцами мост... А на противоположном берегу на высоком холме за крепостной стеной громоздились жёлто-коричневые массивные сооружения старинной Петроварадинской крепости, в глубине которых виднелся собор.

Я понимаю, что сейчас нарываюсь на обвинения в банальном мелодраматизме, но слова из песни не выкинешь. Глядя на Дунай, на крепость, я испытал какое-то неведомое потрясение, у меня спонтанно заколотилось сердце, в голове проносились обрывки мыслей, которые я не мог чётко зафиксировать. Слово поэта! Даже мой спутник с тревогой посмотрел на меня:

– С тобой всё в порядке? Ты бледный какой-то.

И я всё вспомнил.

Нет, конечно, не то, как якобы исполнял обязанности «служки в храме». Я вспомнил свой детский сон и сумрачного редакционного «провидца». Чуть позже я узнал, что под Петроварадинской крепостью проложено 16 километров подземных ходов. Но были же,

были подземные лабиринты в моём вещем детском сне!

Многих близких мне людей уже нет на этом свете. Горечь и страшную, невозполнимую потерю от ухода родных не раз пришлось испытать. Отец умер, когда мне едва перевалило за двадцать.

И всё же. Умирание человека – трагедия. Смерть – притягательная тайна. «Есть ли что-нибудь прекраснее смерти?!» – восклицал Сократ. И я соглашаюсь с античным философом хотя бы в том, что для творчества Смерть является неисчерпаемым источником вдохновения.

А уж с Джеком Лондоном тем более не могу не согласиться: «А ведь смерть добрая. Только жизнь причиняет страдания. Но мы любим жизнь и ненавидим смерть. Это очень странно!».

В этой тематической книге собраны стихи разных лет, есть и те, что написаны мной в пору ранней молодости, ибо смерть всегда увлекала меня. А в 1992 году я издал сборник стихотворений «На память обо мне». На обложке книги (моя идея!) я изображён возле... собственной могилы. Стандартный памятник с моей фотографией и мемориальной табличкой, на которой надпись «Поэт Павел Баулин» и годы жизни: 1949—... Второй даты не видно,

так как я, стоящий у памятника, закрываю её ладонью.

«Ты на себя накличешь беду», – предупредили меня. И действительно, спустя несколько недель после выхода книги я мог погибнуть, спасла случайность. А может, не случайность? А может, это Она не захотела причинить мне вреда?..

Позже я вдруг понял, что в стихах заигрываю со Смертью, как с женщиной. И мне показалось, что ей это нравится! Кстати, я никогда не представлял Смерть в образе страшной старухи с косой. Нет, Смерть (моя Смерть!) красива. Эта книга проиллюстрирована женскими портретами, выполненными Уильямом Моти. Именно такой в своём (большом ли?) воображении я представляю Смерть.

Да, может быть самонадеянно называть себя её возлюбленным. Но поверьте, есть тайные знаки, о которых я пока не имею права говорить, подтверждающие её ответную симпатию.

– Как это? – скажете вы. – В чём же проявляется эта симпатия смерти? Бред! Да если уж она и положила на кого глаз, тому крышка! А ты, слава Богу, жив.

А в том-то и дело, – отвечу я, – что любовь Смерти выражается в том, что Она щадит меня, не призывая к себе.

В силу своих способностей я постарался отразить и эту мысль, и вообще «мои отношения» со Смертью в меру ироническом стихотворении «Гостья». Моя Смерть, надо сказать, особа с тонким чувством иронии, наделённая очаровательным качеством невинного женского лукавства.

Итак (это я о стихотворении), к Поэту приходит весьма и весьма своеобразная гостья – Смерть. Далее – фрагмент:

Я с опаской за ней наблюдаю:
Нет во взгляде ни хлада, ни зла...

– Я стихи посвящал тебе.

– Знаю.

Вот поэтому в гости пришла.

– Неожиданно.

– Сущность такая!

– Может, выпьем с тобой?

– Я не прочь.

– Вот смотри, есть бутылка «Токая».

Есть кагор «Украинская ночь».

А закусим... да хоть виноградом.

Спит жена, а готовить – облом.

Исходя из того, что ты рядом,

Полагаю, не чокаясь, пьём?

А коварная гостья смеётся:
– Разве мы на поминках, поэт?
Золотое токайское льётся.
Бормочу:
– Да пока ещё нет...

Внутри вино – откровенье наружу:
– Так зачем ты пришла?
– Посмотреть
на того, кто смутил мою душу,
написав: «Я люблю, тебя, Смерть».

Внутри вино, – а наружу отвага:
– Забирай меня, гостья, с собой!
– Не могу, что тебе не во благо
совершать, мой поэт дорогой.
И покуда тебя обожаю,
не посмею к себе призывать...

Что ответить мне гостье? Не знаю.
Видно, надо кагор открывать.

Незабвенная тайна кагора,
Раскрывающий души «Токай»!..
И смущенье впотьмах коридора,
и решительный выдох:
«Прощай»!

Кто скажет, что это не встреча, если не любящих, то, по крайней мере, очень симпатизирующих друг другу Поэта и Смерти? А это целомудренное «смущенье впотьмах коридора»? А этот решительный выдох «Прощай» Дамы, не поддавшейся искушению? Он ведь уже был готов на всё...

А может быть, моё отношение к Смерти – это «любовь по расчёту»? Вдруг она делает для меня какое-то исключение? Стоп! – говорю я себе. – Прикуси язычок. На такие слова она может и обидеться, а я не хочу её разочаровывать.

Ну, вот и всё, что я хотел сказать в обращении к Вам, дорогие мои читатели!

Многое из того, что я здесь поведал – всего лишь мои умозаключения. Однако в любом случае придёт то время, когда мне откроется: прав я или ошибаюсь. Другое дело, смогу ли я тогда рассказать об этом?..

Но это время постижения Смерти для каждого из нас будет потом, когда-нибудь, не скоро... А сегодня Вам судить, насколько серьёзно и разумно то, что сказано мной выше, и насколько художественно и значимо для Вас то, что последует в книге далее. Единственное предупреждение: не надо следовать моему примеру. Быть возлюбленным Смерти всё-таки опасно.

Ваш

Павел Баулин

Июнь 2014 г.

Крест поэта

Не сумел ни в морях, ни на суше
он молитвы и силы найти,
чтоб смогли его грешную душу
над греховной Землёй вознести.

Пробавлялся работой не грязной,
с верой правой в своё ремесло...
Сколько ж сброда и нечисти праздной
через душу поэта прошло?

Святодействовал словом умело,
свет и славу снискали стихи.
Но душа с каждым днём тяжелела,
принимая чужие грехи.

И теперь ни в морях, ни на суше
ни молитвы, ни сил не найти,
чтоб смогли мою грешную душу
над спасённой Землёй вознести.

Корнями к небу

– Где корни мои? Я не чую земли
и кроной, и кровью немею.

Мне сокол сексотил:

– Они уползли –

подземные дикие змеи.

– Ты их проворонил, – мне ворон внушал, –
ползут они гиблой тропюю.

– Где корни? – моя разрывалась душа
в интригах с моею судьбою. –

Где Родина-мать? Кто молитвой святой
и оборонит, и окормит?

Шипя: «Ты давно уже стал сиротой», –
змеились предатели корни!

О, Родина!

Время потерь и скорбей,
сиротство кромешного мига!..

Не чую любви светоносной твоей
под бременем пришлого ига.

Лишённый опоры – лишается сил.

Но, преодолевающий порчу,
я ветви надёжные в небо вонзил,
как в обетованную почву!

Подземные змеи ко мне приползли
с повинной. Да в них ли потреба
отверженному от родимой земли
и укоренённому в небо?!

Молитва в оковах

Есть и хлеб насущный, и ночлег,
Но ворчит старик, когда не спится:
– Родина моя – двадцатый век,
двадцать первый – будто за граница.

Чуден Гоголь,
Днепр силён, как встарь, –
редких птиц влечёт его стремнина.
Блок воспел аптеку и фонарь, –
всё на месте, а в душе – чужбина!

Прощены враги и должники,
интриган-лукавый обезврежен...
Но родные вянут родники
в Новом дне, что истов и мятежен.

Есть и хлеб насущный, и ночлег.
И не в том беда, что жизнь на склоне, –
чужд и страшен каждый новый век,
ибо Хронос держит нас в полоне.

Слышишь перезвон его оков?
Ныне, присно и во мгле веков.

Молчание пророка

Паутину сплела тишина,
загустел аметистовый вечер.
Вифлеема звезда не видна,
и на блюде небесном Луна,
как глава Иоанна Предтечи.

Животворное Древо Креста
стиснул кольцами Змей-искуситель.
Гибнет мир в ожиданье Христа,
но безмолвны пророка уста.
И в смятении горьком Спаситель!

Навеянное тенью пролетевшей птицы

Слегка ленив,
не прыток на подъём...
Проходит жизнь, а может,
только снится.
Далёкое не манит журавлём,
и не влечёт доступностью синица.

Не вспахан целины житейский пласт.
Да и зачем?
Итог един – могила.
Творить? Смешно!
Ещё Экклесиаст
сказал, что всё уже когда-то было.

...Я сбил плевком шального журавля,
развеял культ чириканий и всхлипов.
Моя краеугольная Земля
вольна от кандалов стереотипов.

Тень

Действо злое привиделось мне:
то ли в шутку, а может, из мести.
Тень мою пригвоздили к стене, —
не сойти, как ни дёргайся с места!

Всуге вспомнил и Бога, и мать,
багровел от натужных борений.
Но — ни тень от стены отодрать,
ни отринуть от собственной тени!

И возник избавления план,
прецедент за суровую плату:
волк-вожак, угодивший в капкан,
отгрызает пленённую лапу.

Боль свободы неистова.
Стон
вздыбит волны и волосы века.
Зверь на воле! Но он обречён.
Не угоден природе калека.

Страх терзает моё естество,
но свобода — дороже смятений.
...Я уже не от мира сего —
человек, не имеющий тени.

Эго

Это – жизнь?
Без любви, без отваги;
не в молитве – в сплошном скулеже
о брюхатом, напыщенном благе.
Эту жизнь не изменишь уже!

Царства злобы и зависти царства...
Это – Божье Творение?
Сгинь!
Воплощённые ложь и коварство –
ваша пошлая выдумка – жизнь.

Не изменишь тупой круговерти
искушений, предательств, пустот...
Лишь в одном –
в ожидании смерти
есть надежда на светлый Исход.

Божьи создания

На полпути от морга до погоста
мигнула жизнь огарочком свечи:
нудистский пляж «кому за девяносто»,
дурман гниющей плоти и мочи.

Обслуга не брезглива, как эпоха,
витают летаргические сны.
И всё же брезжит немощная похоть
в беззубом излиянии слюны.

Дискуссии о пользе эвтаназий,
Альцгеймера жестокий приговор.
В пылу маразматических фантазий
внезапно разрешившийся запор.

Запретная, отчаянная зона! –
порывов оскопленных обелиск.
Заложники болезни Паркинсона
на берегу суровой речки – Стикс.

Нудистский пляж «кому за очень много», –
живые души, гибнущая плоть...
Но этой нескончаемой дорогой
их наказал? их наградил Господь?

...Карающие проблески сознания
и ужас постижения всего
несовершенства Божьего создания
по образу и логике Его.

Гонителям. Девяностые годы

Опять меня чихвостят спозаранку
любители навесить ярлыки:
телеэкранов бледные поганки,
печатных СМИ навозные жуки.

Подвижники пустот и примитива,
блюстители помоек и болот.
Вас хлётко жжёт стихов моих крапива,
бросает в дрожь метафоры полёт.

Пестрит от взяток ваш провальный мизер,
соплив шакалий жиденский оскал.
Вот ваш удел: метать дешёвый бисер
да гадить под высокий пьедестал.

Неистовые жертвы самомненья
кропят бесплодным семенем листы...
Не плыть амёбам супротив теченья,
не превратятся в бабочек глисты.

Прозрение

Небо почерневшее остыло,
сумраком простор заволокло.
И воскликнул я: взойди светило!
И светило буйное взошло.

Мало справедливости под небом:
этот голодает, страждет тот.
Будь же каждый и здоров, и с хлебом!
И процвёл во благостях народ.

Ненависть – смертей и бед предтеча.
Я взмолился: хватит новых гроз!
И враги друг другу шли навстречу
И братались, не скрывая слёз.

Но коварен дьявол. Искушенья
наплодило мифов и химер.
И призвал я Божье Провиденье,
и во прах повержен Люцифер!

Доблесть, благородство и смиренья
торжествуют. И дружна семья
Божьих чад. Но леденит прозренья:
Господи! Ведь это – не Земля.

Автопортрет, смываемый дождём

Этот старец – расплывчат и сдобен –
из реликтовой дали возник.
Он уже ни на что не способен.
Он уже, словно вечность, велик.

Пьян и жалок,
но высокомерен –
пожимает надменно плечом.
И уже он ни в чём не уверен,
и уже не отступит ни в чём.

Но сквозь все размягчения мозга
и притворные мысли не в лад
вдруг хлестнёт,
будто молнии розгой,
стариковский всевидящий взгляд!

Презираемый временем жлобства
и толпой обрекаемый впрок
на посмешище и на юродство –
лжепророк?
Или всё же – пророк?!

...Так о ком я
на этих страницах
повествую под лепет дождя,
в просветлённых Господних зеницах
отраженье своё находя?

***

Отмерял за пробелом пробел,
уповая на лень и усталость.
Тридцать лет, похмеляясь, трезвел,
ни хрена впереди не осталось!

Пусто в поле,
как в песне пустой.
Каплет свет, поздний дождик лучится.
И меня не окликнут «Постой!».
И со мной ничего не случится.

Стают годы, как снега, легки,
и зреет свернувший с тропинки:
из глазниц моих бьют родники,
из груди прорастают травинки.

Ожидание

Прорастает вчерашняя боль,
как послание из преисподней.
Безнадёжен с утра алкоголь.
Впрочем, трезвость – ещё безысходней.

Метастаз, воцарённый в зенит, –
кульминация раковой драмы.
И сама за себя говорит
обречённость больничной пижамы.

Отчуждения мёртвая гладь,
жар молитвы – как выброс аорты.
Но Распятый не может обнять,
хоть объятья его распростёрты!

Он не может.
Вот так же в стекло
бьётся бабочка райского утра.
И над миром искрится светло
голубая пыльца перламутра.

И торчит у планеты в боку
заржавевшая радуга – дужка.
Эх, рвануть бы за эту чеку,
чтобы – вдребезги жизни полушка!

Где слабеет на грязном стекле
перламутра слеза голубая.
Вот и всё, что осталось Земле
от посланницы вышнего рая.

Вот и всё.
Разъярённая боль
вылетает, как сабля из ножен.
Супротив неё слаб алкоголь,
но в отчаянье – не безнадёжен.

...Словно листья, чернеют уста
под разящим светиллом недуга.
Воскресенье.
Бутылка пуста.
И теперь вся надежда на друга.

Последний полёт

Тяжелеют полёты во сне!
То ли я,
то ли мир обезумел:
наяву правят тризну по мне,
а во сне я нисколько не умер.

Тяжело, невысоко парю,
раздвигая тугие туманы.
На поминках
в родимом краю
пустотой наполняют стаканы.

Опьяняет друзей пустота
благодатью нетварного Духа.
Я над ними – распятем Христа.
Мне антенны царапают брюхо.

Наяву на Земле меня нет,
в эту явь не резон возвращаться.
Но грядёт ослепляющий Свет,
и не сможет полёт продолжаться!

Налетавшись до самого дна,
я проснусь, коль Господь не обидит...
Отшатнётся в испуге жена
и меня сквозь меня не увидит.

После...

Мягкий трепет неба золотого.
Рваный бег напористого дня.
Вечер, горизонт – петлёй итога...
Будто бы и не было меня.

Мамин лик в туманных хлопьях стирки.
Нервная, скользящая родня.
Лампа. Света тусклые опилки...
Будто бы и не было меня.

Чай вечерний. Тени гладят стену.
Болтовня, упрёки, вялый спор.
Кто о чём! Лишь траурную тему
не затронет общий разговор.

И когда чуть внятно, чуть упрямо
странный стук послышится в ночи,
то его узнает только мама.
Вздрагнет, побледнеет, замолчит.

Мама, мама!
И умрёшь не веря,
что подведена за мной черта.
Двери распахнёшь. Но вновь за дверью
вечная качнётся пустота.

Наваждение

Между миром и Богом – стена.
Между славой и срамом – война.
Между делом и замыслом – бесы.

Выйду к храму и лоб расшибу.
Кликну славу и слышу пальбу.
Плону с горя – и все интересы!

Тихо свечка во мраке горит.
Сатана на пороге стоит.
Растекается ересь по дереву.

Сатане покоряется свет!
Дремлет разум, хоть кровь вопиет.
Входит зло в непорочную деву.

...Нет стены между миром и тьмой.
Нет войны между ложью и мной.
Торжествуют всеядные бесы.

Негде страждущим лоб расшибить.
Славу предков легко загубить.
Плунуть в небо – и все интересы.

Пауки мирового порядка

Покинув склепы и сортиры,
суровы, как боевики,
латать надуманные дыры
ползут по небу пауки.

С дороги, Боинги и МиГи!
Паучий выдался сезон.
Двуногие плетут интриги,
членистоногие – заслон

лучам Всевышнего светила, –
Барух Спиноза* был бы рад...
Ты говоришь, что в деньгах сила?
Вся сила – в паутине, брат!

Нежна. Но встретишь ненароком
её притворный полулёт, –
она грехом,
она пороком
тебя нещадно оплетёт!

Как ладно паутина свита
и как ажурна заодно!
Похоже на звезду Давида
её центральное звено.

...Покинув чердаки и склепы
катая нервно желваки, –
к своим щедры, к чужим свирепы –
ползут по свету пауки.

Они в раденьях о планете
плетут порядок мировой, –
липучие, тугие сети...
За слоем слой,
за слоем слой.

В надежном коконе отныне
живые твари всей Земли.
Как мухи, бьются в паутине
космические корабли.

---

* Барух Спиноза – голландский философ еврейского происхождения, отрицавший Бога (Всевышнего) в библейском и христианском понимании.

Шестое чувство

Что согреет меня?
Только снег,
только лёд безымянного года.
Что загубит меня?
Пьяный смех,
горький смех под крылом недорода.

Алчный люд!
Не бунтарь и не шут,
промотавший, предавший святыни,
чуешь,
дьяволу славу поют
все майданы родимой пустыни?

1991

Демоническое

Мертва река, но камень жив.
Гноится солнечный нарыв
на потной шкуре неба.

Страшны поля, но жив смутьян –
горелый, скрученный бурьян.
Земля не помнит хлеба.

Блудница-карлица бредёт.
Безумен взгляд. Убитый плод
гниёт в смердящем чреве.

Земных страстей един итог:
Погибель... Да поможет Бог!
Но Бог во гневе.

Чужая планета

Я ступлю на чужую планету
и заржавленной двинусь тропой.
И увижу холодную Лету,
и Харон мне помашет рукой.

Я пройду вдоль зловещей равнины,
я взберусь на крутое плато...
Только пепел вокруг да руины,
из которых не выйдет никто.

Хоть травинку б найти,
хоть росточек!
Звук услышать – и сердце замрёт.
Тишь – как бездна,
в которой стрекочет
счётчик Гейгера, как пулемёт.

Эти остовы труб на пригорке,
эта мёртвая водная стынь
мне напомнят нежданно и горько
наш Освенцим
и нашу Хатынь.

Кровью звёзд бьют вселенские раны.
Нет начала и нет им конца.
Время полураспада урана.
Время полугосподства свинца.

Скрыт в течении траурной Леты
прошлой жизни закон непростой.
Я покину чужую планету,
и планете останется той –

до скончания дней
нелюдимой –
остывать под багровой золой...

Кем она называлась любимой?
И кому приходилась Землёй?

Агасфер

Старик с мешком за плечами
(в мешке сухари и вино)
дорогу нужды и печали
мотает на веретено.

В скорбном краю безголосья
сухарь раскрошит, и вот
до неба встают колосья,
народ с пережору мрёт.

Брызнет вином из фляги
в краю, не выдавшем смут, –
сшибаются бури и флаги,
кровавые реки текут.

Жирные, грязные нити
мотает на веретено.
Нам продаёт – тките
для саванов полотно.

Мы?

Былую славу гложет червь забвения.
Порода измельчала. Стать не та.
И мы давно – заложники терпения,
терпения рабочего скота.

Не доблесть, не благое устремление
к щедротам правды, к истинам Христа.
По чуждой воле приняли терпение,
терпение рабочего скота.

Где связь времён?
Разорваны все связи,
когда, во власти водки и кнута,
поклоны бьём никчемности и мрази
с покорностью рабочего скота.

Где воины с отвагой Пересвета?
Поводыри? Крушители оков?..
Нет ни земли, ни воздуха, ни света
на Отчине для собственных сынов!

Терпение скота – и вся отрада.
И вся премудрость – в гибкости хребта.
...Как свято в живодёрню верит стадо
послушного рабочего скота!

Притча о глазах

Старца этого в жизненном дрейфе
не смущала ни ложь, ни слеза.
Но однажды на высохшем древе
перед ним распустились... глаза.

Он вскричал:

– Да за что ж эта кара?!

Он притих, будто дали под дых...

Ветки к югу – в соцветиях карих,
ветки к северу – сплошь в голубых.

Старец,

чуду препятствовать силясь,
то ругался, то рушился ниц.

По ночам эти очи светились
в ореолах невидимых лиц.

...Наши встречи с ним были не редки.

Он поведал про горе-беду:

– Я-то сдюжу, – не выдержат ветки.

Хочешь, сам всё увидишь в саду.

День, меж тем, разгорался всё ярче.

От улыбки сдержавшись едва,
я насмешливо вымолвил:

– Старче,

где глаза? Это просто листва.

Чем его, очевидно, обидел.

Он сказал:

– Иронический пыл

Поубавь... Я и раньше их видел.

Только вот у кого, позабыл.

Старость!

Путаю грёзы и были.

Что – начало? Что – вечный причал?

Где ж я видел вот те – голубые,

где я карие эти встречал?..

Но об этом старик не поведал.

Как в бреду, он молил зеленыя:

– Может быть, я когда-то вас предал?

Пожалейте! Простите меня.

В горькой жалости – неутолимой –
он взирал на свои деревца.

...Ночью снились мне очи любимой,
очи матери, очи отца.

Жжёт печаль

с каждым годом сильнее,

если вижу средь рощ и аллей:

ветки к югу, где листья темнее,

ветки к северу, где – голубей.

И – конец!

суете и покою, –

так захочется в сумраке дня

разрыдаться над вечной листвою:

– Пожалейте! Простите меня.

Звуки сна

за муру замарал за морями
отчий дым и отеческий стяг
под твоими нагими ногами
половинки матрёшек хрустят

разлинеены ливнем долины
раритеты радений в горсти
рвутся рея редая седины
рдеют пальцы в азарте грести

вдоволь вдов
вдоволь шаровых крошек
псы напасти пасут на постах
деревянные кости матрёшек
костерком костенеющий стяг

Превращение

Всё прахом – и любовь, и грёзы.
Есть кров, да холоден очаг.
Всё меньше чувств,
всё больше позы
в твоих делах, в твоих речах.

Заёмных шуточек бряцанье,
искусных слёзок мишура.
И патетичность восклицанья:
– Ах, наша жизнь – игра, игра!

И отступленье – хоть не сразу –
в свой листопад (по зелениям!)
к отрепетированным фразам,
к отрежиссированным дням.

Но в жизни
и на сцене мгливой
досаду вызовет, не боль,
претенциозного артиста
неподдающаяся роль!

Не скажешь ты, что карты биты,
не выдашь горечи и зла.
Но чёрным – с умыслом – покрыты
в твоей квартире зеркала.

Когда ж, отчаяньем влекомый,
защитный креп срываешь ты,
кривляка злой и незнакомый
глядит из мутной пустоты.

Мытарства и магия мира

Мираж. Мотыльков мельтешенье.
Молитва. Манящая мгла.
На вые надёжный ошейник
проплаченных благ и тепла.

Мундиры, мудилы, мандаты.
Миазмы. Немой мордобой.
И помыслы так же крылаты,
как жрицы любви с окружной.

Мятеж молодой монтировки.
Мембраны сминающий мат.
Щелчок золотой мышеловки.
Приманки надкусанный шмат.

Хакеры сновидений

Злой надоумил гений
отпрысков Сатаны –
хакеров сновидений,
взламывающих сны.

Только лишь дрёма свяжет, –
прут из глухих углов
черви замочных скважин –
взломщики наших снов.

Тлеет экранов тина,
в панике Божий свет:
завтра мой сон интимный
выложат в Интернет.

Лыбятся ночью, денно
из виртуальной тьмы
хакеры сновидений:
«Спишь? А вот они – мы!»!

Это – важней, чем деньги.
Сны – последний редут.
Хакеры сновидений
души из снов крадут!

Будет же вам вендетта!
Видел я вас в аду!
«Вальтер» трофейный деда
в койку свою кладу.

По херу осторожность!
Деда не подведу.
Сплю и по вражьи рожам
меткий огонь веду.

После – почищен, смазан
«вальтер» трофейный тот.
Вроде б – конец рассказа,
сон золотой грядёт.

Радуга водопада.
сладкий церковный звон...
И никакая падла
этот не тронет сон!

Цвет осыпает липа,
оловом стынет пруд...
Вижу – братки из джипа
вышли,
ко мне идут.

И достают кастеты,
Финки и палаши.
– Этот, – хрипят, – этот
наших здесь порешил?

Шекспир – XXI век

В сером подвале ни тьмы, ни света.
Вонь испражнений, похоти смрад.
В странном изгибе застыла Джульетта,
выпятив лунно мерцающий зад.

Пьяный Ромео – ни тьмы, ни света
из омертвевших сухих зрачков.
Спущены джинсы, в зубах сигарета,
сыплется пепел от резких толчков.

Судьба

С жизнью – бесконечные ничьи:
сделки, компромиссы, договоры...
Реки превращаются в ручьи,
в холмики – заснеженные горы.

Все мечты не проданы ещё.
Куплены не все улады быта...
Нет уже ни горок, ни ручьёв,
лишь пустыня,
страшная, как бритва.

Спящий под надёжною плитой,
горько ль слышать из своей чужбины
то, как реки полнятся водой,
то, как в небо тянутся вершины?!

Землянин

В пучину идёт корабль:
в небесную ли, в морскую?
В пучину идёт корабль,
уже ни о чём не тоскуя.

Замкнулся земной предел,
погасли его прожекты.
Он часто был не у дел,
смирившийся с ролью жертвы.

Чужую прощал вину,
скорбел под схимой юродства.
Он сам так решил:
ко дну!
И в том суррогат геройства.

Корабль или человек,
изгой на своей планете,
он прожил напрасный век!
Таких – большинство на свете.

Нить

Владимиру Солодовникову

Уже готовясь к вечному убытью,
за сущий миг до траурной межи
он обвязал своё запястье нитью.
Конец свободный мне отдал:
– Держи!..

Затем шагнул с презрительной улыбкой
туда, откуда возвращенья нет.
Но след за ним скользнул суровой ниткой,
продетой через тот и этот свет.

...Та нить звучит
то властной тетивой,
то тихой паутинкой, то струной,
сакраментально делая живую
связь навсегда ушедшего со мной.

Живая нить! –
Ушедшего причуда
моей ладони трепет отдаёт...
Так жутко,
что сигнал идёт оттуда!
Так благостно,
что всё-таки идёт.

Новопреставленный

Борису Ткале

Теперь уже
ни смерть над ним не властна,
ни времени разящее копьё...
Торжественно, надменно, безучастно
он утверждал величие своё.

А нам служить условностям несметным,
терзаться в страхах: сметь или не сметь?
И постигать,
что вольным и бессмертным
позволит стать
лишь собственная смерть.

Сон

П. К.

Продираешься чуждой тропой,
нет уже ни страданий, ни боли, –
Твой суровый вселенский запой
длится вечность, а может, и боле.

Рядом – слава с дырявой сумой,
перегар, точно знамя, витает.
Ропот праздный шкворчит за спиной:
Он – талант!
Он талант пропивает.

Свора бесов и стая путан
понабьются к тебе, только свистни, –
где гуляет по кругу стакан,
весь в зазубринах пагубы-жизни.

Губы – в кровь!
Но довольно нутро.
Внемлет демонам истовый лирик:
Вены бритвой? Под поезд метро?
Изощрён алкогольный делирий.

Удержу!
Приглашу на обед.
Похмелиться предложит супруга.
...Этот сон снится тысячу лет
с похорон не спасённого друга.

Наши часы

По белизне целинной циферблата
спешат с нахрапом грозным бегуны.
Их каждый след ложится прошлой датой
ещё одной зимы,
ещё одной весны.

И я спешу, заметив, между прочим:
снега темны, ручьи светлы до дна...
Чем шире шаг, тем дни, увы, короче.
Ещё одна зима,
ещё одна весна.

Спешим в делах.
Лихи в любви и в споре!
Но жить быстрее – значит ли – сполна?
Мгновенна радость, мимолётно горе.
Ещё одна зима,
ещё одна весна.

...Летят по бездорожью циферблата
две чёрных стрелки в масле,
как в поту!
Так ловко спровоцировав когда-то
меня на вековую суету.

Бегу, не замечая снега талость.
След путаный,
хотя тропа ясна.
Остановлюсь. Представлю, что осталась
всего одна зима, всего одна весна.

Воздушные цветы

Воздушные цветы угрюмо в небо рвутся,
В ресницах лепестков – слезинки высоты.
Воздушные цветы – летающие блюдца,
парящие шары – воздушные цветы.

Схватись за стебелёк и устремляйся к небу
из плена передряг,
из тлена городов.
Схватись за стебелёк и погружайся в негу
лазоревых лугов, серебряных садов.

Развеется угар терзаний бесполезных,
низвергнет суету раздумчивая тишь.
Томительных услад телесных
от небесных
там, в горней глубине, уже не отличишь.

Воздушные цветы... Наивная беспечность –
из хижин и дворцов,
из тюрем и могил –
паря на стебельках, мечтать, что это вечность –
созвездия цветов,
соцветия светил.

Хор ветеранов

Они восходят на пустую сцену,
пустынен зал,
шипы огней горьки.
Опавших волн поют седую пену –
поют седую песню старики.

Не угождая музыке и слову,
не доверяя голосу давно,
Как будто вторят медленному зову,
который слышать
только им дано.

В заброшенном доме

Ночью вновь скрипели половицы,
причитали тени в тишине.
Благодатью сумрачной денницы
после страхов
сон дарован мне.

Сон не сон.
Всё так же, как намедни:
на шелках крошечных паутинок
я лежу нагой в объятьях ведьмы.
– Сгинь! – кричу.
Исчезла. Я один

среди осклизлой ветхости – разрухи.
Плесени короста, как броня...
Мухи ада, муки ада. Мухи!
как на падаль – сворой – на меня.

Прикрывая срам, бреду наружу.
И соображаю, наконец:
Нет души!
Верните, суки, душу!
Бесы потешаются:
– Мертвец!

...Смрадный дух.
Гноятся струпья снега.
Взбухший шрам дороги – в никуда.
И надгробье каменного неба.
И в колодцах – мёртвая вода.

Немые волны

Долгое лезвие первой волны
напрочь разбито о мрак тишины.
Следом вторая восходит волна,
но разъедает её тишина.

Третья волна для того и бежит,
чтоб расшибиться о ночи гранит.
...Глазом всевидящим водит маяк,
глаз темнотою кровавой набряк...

Сотой и тысячной нету волны, –
пали – немые – во мрак тишины.
Голос мой слаб. Не пробить тишину.
Вымолвить, выкричать надо волну.

И зарождается чудо – волна,
катится к морю по суше она.
Ей – сухопутной волне – не страшны
ночи гранитные, мрак тишины.

Рухнет! И берег расколет земной.
Станет морскою гремящей волной.
Берег сомкнётся за нею вослед,
высечет искру, и грянет рассвет.

Вымолвит утро желанного дня:
«Чья же волна разбудила меня?»

Сотня немых прогорланит: «Моя!» –
Слава отринет в чужие края.
Взвизгнут молчальники – сладок искус:
«Наша!»
«Моя!» – взъерепенится трус.
Приоритет на волну у кривляк
купит торгаш за кромешный пятак.

Странное племя! Завистливый род, –
Силы боится, но славы урвёт.
...Спорят! И новый сгущается мрак.
«О, лицемеры!», – воеет маяк.

Сокровенное

Прозрачные лужицы,
матовый лёд,
Предзимье в наряде неброском.
Старинное солнце над миром встаёт,
над миром и нашим погостом.

Неясные тени парят от земли
сквозь день, набирающий силы.
И близкие завтрак уже принесли,
тоскуют у свежей могилы.

В пупырышках небо над ними дрожит,
и воздух – озябший и пресный.
И так оглушительно хочется жить,
что я попытаюсь воскреснуть.

Желанное

Прикоснусь к одеждам Иисуса
и челом достану до земли.

– Господи, – взмолюсь, – раба и труса
от земного страха исцели.

Эта жизнь измучена болезнью:
лесть и ложь опаснее чумы.

Эта жизнь отравлена боязнью:
смелых – горстка,
трусов – тьмы и тьмы...

Тихой дланью, где кровавый символ,
Иисус махнёт мне и, скорбя
о душе моей, промолвит:

«Сын мой!

Только вера исцелит тебя».

После половодья

Апреля тухлые потоки,
где небо в мутных облаках
отображает суть эпохи
и страх.

Брехня – на чёт, и ложь – на нечет.
И грязь, и мразь по берегам.
Несёт вода земную нечисть, –
всё к нам!

Вода сойдёт, покроет местность
короста зла и нечистот.
На почве сей какая мерзость
взрастёт?

Потоком вспороты могилы,
наотмашь сброшены кресты.
Блаженно нюхают дебилы
дебело-смердные цветы.

Посещение

С чекушкой первача и пачкой «Примы»
я шёл по кладбищу,
когда услышал глас:

– Поэт! Мы не мертвы,
мы лишь незримы.

Мы не мертвы. Хоть ты не видишь нас.

Кресты белели, словно чьи-то кости,
обглоданные ветром и дождём.

– Поэт! Мы ждём тебя сегодня в гости,
когда заря уйдёт за окоём.

Присев на холмик, я достал чекушку.
В оградках брагой пенилась сирень.
На каждый тост мне вторила кукушка,
и, словно «Прима», тлел тщедушный день.

Ушла заря.

Взирали звёзды чуждо,
как на меня обрушилось впотьямах
последнее прижизненное чувство –
парализующий все чувства –
Божий страх.

...И только дождь, чьи нити стали штопать
рассвета перламутровый атлас,
подвиг поэта на беззвучный шёпот:
– Вы не мертвы.
Ведь я – один из вас.

Уездный город, 6.00

Затихла луна среди туч паутины,
слабеющим светом бледны фонари.
Хрустальными фарами автомашины
прикуривают от грядущей зари.

Презрев рубежи и космический голод,
пришелец возник и над миром парит.
А город, бессонницей мучимый город,
дымов заводских примеряет парик.

Молоденький призрак у дома напротив
глядит вождельённо сквозь линзы очков
на сгусток прекрасной сговорчивой плоти.
Пронзителен цокот её каблучков.

По гиблым углам размягчаются тени.
Блажен этот миг – ни сует, ни идей!
Кончается время живых привидений,
пришествует время унылых людей.

Спросонья – угрюмые, тусклые лица,
безвольные взгляды – на оклик «Привет!».
...На скатерти неба так смачно дымится
зажаренный в луковых тучках рассвет.

* * *

Там, где ясная зелень
густа,
вдруг упали
горючие росы.
Это тихие травы
грустят
и прощаются
перед покосом.

Далеко
от утрат и обид.
Что же взор твой
туманится
мúкой?
Это бедное сердце
болит
перед вечной
разлукой.

Версия

Истома грома,
нагота зари,
жар вождлений,
молний исступленье.
Шальная страсть, бурлящая внутри,
низвергла воздержаний заточенье.

Дожди ветхозаветные взошли.
Вулканов раны скалились нелепо.
Утробные вибрации Земли!
Ответные проникновенья Неба!

И миллионы лет,
и вещей год
неистовых соитий содроганье.
И понесла Земля,
и вызрел плод
во славу Мира и на поруганье.

Дождь на закате

Каждый звук застигает врасплох,
отнимая и чувства, и силы.
О, как явственно слышится вздох!
Под дождём оседают могилы.

Долго, глухо вздыхает земля,
прогибая пугливые доски...
Меж камнями туч, как змея,
ускользает заката полоска.

Перелётный зов

Сентябрь. Ветра.
Штормит Азов.
Унылых мыслей вереницы.
И птиц прощальных
острый зов.
И туч тяжёлые страницы.

Мятеж небес и моря гнев –
пределов стёртые границы.
И зычный осени запев.
И туч кромешные страницы.

Иных миров живую цветь
срывают отсверков зарницы,
где моря пеннистая плеть
листает беглых туч страницы.

Ночь, словно зреющий нарыв
под скальпелем зари нетленной,
и утра солнценосный взрыв,
как первородный взрыв вселенной.

...Сентябрь.
Покоем льстит Азов.
Котятки волн до слёз прелестны.

Прощальный леденящий зов.
Водоворот небесной бездны.

Дерево на холме

Здравствуй,
дерево-сирота!
Одинока твоя вершина,
незавидна твоя высота...
Шорох листьев донёс:

– Чужбина!
Ветер нагл, и земля суха.
Нет гнездовий,
пугливы тучи.
В искупленье чьего греха
я распятем торчу на круче?
Летом зори, раздув меха,
обдают нестерпимым жаром.
Зимы хищно вонзают жала
мне под кожу. Дело – труха!
Ветер нагл, и земля суха.

Ветер наглый прядёт слезу,
Небо горбится в блёклой сини.
Тьма деревьев журчит внизу,
А одно, встречая грозу,
точно знамя, гудит на вершине.

Парк

Былых желудей золотой урожай.
Вальяжная речка – Московка.
Дубовая роща,
по-местному – гай,
по-нашему – просто Дубовка.

Мы с лекций срывались.
Дубовка – сперва.
Апрель наступал торопливо.
Дышали дубы, протыкала трава
чеканное блюдо разлива.

Аллеи признаний, скамейки любви,
терзаний неверное семя...
Как спринтер, мелькнуло,
зови – не зови,
беспечное, вешнее время.

Аллеи признаний, скамейки любви,
Днепра различимые вздохи...
Ещё на плаву, на ходу корабли
студенческой нашей эпохи.

Ещё на плаву.
Но витает:
– Прощай,
    Любовь, навигация, нега!..
Зашторили рощу,
закутали гай
седые полотнища снега.

Взойду напоследок на давний мосток
над речкой, по-зимнему тёмной,
где тычется мордой в прибрежный песок
кораблик – дворягой бездомной.

Крик

Вывихом дороги – поворот.
Тих пейзаж, как пойманный на слове.
Рдяный мак похож на женский рот, –
если губы закусить до крови.

Человек нарёк свою – власть.
Степь пред ним – в смятении великом:
губы закусила и зашлась
алым-алым первобытным криком.

* * *

Одиночества не приемлю,
просто грусти не вышел срок.
Вот акация чутко дремлет.
Разве с нею я одинок?

Вот взметнулась в притворном страхе
стая птиц из-под самых ног.
Заповедные, бойкие птахи,
разве с вами я одинок?

Мой щенок, ожидая ужин,
заливается, как звонок.
Значит, я хоть кому-то нужен
и поэтому не одинок.

(Посмотри, как вечерние волны
запоздалый швыряют челнок.
Он – стремительный и проворный –
разве скажешь, что одинок?)

...Среди запахов, щебета, писка
шаг неспешен мой,
путь далёк...
Фотографии, старые письма...
Разве с ними я одинок?

Странное облако

Где наждачное облако плыло,
разрывался небесный покров.
И, как молния,
очи слепила
голубая, глубокая кровь.

Сойка вскрикнула,
замерла цапля,
резвой ласточки взмыла стрела...
И густая, горячая капля
землю вздрогнувшую обожгла.

Вечерний свет

Мрачен день на пути невозврата.
Но сдирает щетинистый лес
заскорузлую корку заката
с пламенеющей раны небес.

Помолчи о засеянных звёздах,
о полётах ночных вне оков.
Пусть качает коричневый воздух
голубые плевки облаков.

Перед горькой чертою, прощальной,
перед тьмой до скончания лет
пусть подольше пребудет печальный,
хоть вечерний – но всё-таки свет!

Пред агонией этого света
с вождельем ночным потерпи!
...Есть надежда, что сможет планета
гирю солнца тащить на цепи.

Знак бесконечности

Серая осень –
на сером песке.
Взгляд – непогода.
Белая прядка
на смуглом виске
у небосвода.

Серая осень
царит над землёй,
входит сквозь стены.
Осенью, летом, зимой и весной
вздохи её неизменны.

...Спаяны два обручальных кольца –
будто бы навзничь упавшее восемь, –
знак бесконечности –
страх бытия –
серая осень.

* * *

Едкой тьмой заливаает свечу,
тишина растворяет слова.
О любви – нелюбви помолчу, –
ночь всесильна, а значит, права.

Дерзкий хищник по имени страсть
образ жизни проводит ночной:
сладко жертвой нечаянной пасть,
горько после терзаться виной.

На руинах последнего дня
да пребудут во мне и со мной
первобытные страхи огня
перед вечной, но сладостной тьмой.

Ошибка

Посмотришь, как солнце садится,
как страшно бледнеет заря,
как вянет на дереве птица,
и горестно выдохнешь:

– Зря!

Так медленно катится ночи
серебряное колесо.
Так спешно смыкаются очи,
и шёпот срывается:

– Всё.

И траурных лент позолота
летит в безымянную даль.
И страшно невидимый кто-то
вздыхает:

– Мне тяжело... Мне жаль...

На вечернем погосте

За кладбищем солнце садится,
усталые стелет лучи.

Пичуга в лучах золотится
огнём поминальной свечи.

Ещё не объятые мраком,
опрятны всегда и чисты,
стоят обелиски – под мрамор,
из трубок – сварные кресты.

Вдали от болезней и пенсий
лети, наше время, лети,
обманывай бравурной песней
о том, что вся жизнь впереди.

А солнце, предчувствуя близкий
уход,
истерично почти
цепляется за обелиски,
срывая, как ногти, лучи.

Черви

То ли сдали уставшие нервы,
то ли градус у водки щедрей?..
Лезут жирные, грязные черви
из разверстых, как пасти, щелей.

Копошится, колышется масса –
и вдали, и вблизи, и везде –
этих клубней кровавого мяса,
этих сизых, осклизлых гроздей.

Это – черви последних мгновений!
Воплощённый, накликаемый ад –
смад их истовых совокуплений,
пожираемой падали смад.

Бездна неба зияет могилой,
погребальные слышно псалмы.
То не тучи затмили светило –
Тьма червей или черви из тьмы.

...Вновь ощерены в хищном угаре
жерла ртов, исторгающих тьму.
– Да, куда ж вы, поганые твари?!
– Мы ко гробу ползём твоему.

Планета

Куда летишь по воле чуждой?
Грузна, больна.
Какие чёрные причуды
скрывает даль, что не видна?

Неведомо твоё рожденье,
твой путь из темноты.
Погибель ждёт через мгновенье –
или бессмертна ты?

С неясным смыслом или праздно
заверчен твой волчок?
Напрасно или не напрасно?
Молчок.

Неужто посвященье в тайну –
за той межой,
когда, сойдя в тебя, предстану
перед твоей душой?

* * *

Ночь всегда необъяснима.
В тишине свечи
отличишь туман от дыма
за окном в ночи?

Скажешь, глупая затея.
Вот – ещё глупей:
это ведьма или фея
в комнате твоей?

Тела женского прохлада
страсти горячей.
Это грех или услада –
покориться ей?

Ночь – зыбучее мгновенье,
Судная пора.
Эта фея-привиденье
зла или добра?

Эти мёртвые узоры
звуков на устах –
призрак лада или ссоры?
Клятва или страх?

То, что зеркало кривое
отразило нож,
то, что тело – неживое, –
правда или ложь?

...Ночь всегда необъяснима –
угрызений час.
Всё проходит, но не мимо,
а пронзая нас.

Эти души, эти лица –
в пламени стыда...
Ночь – названная сестрица
Страшного Суда.

Декабрьское

Дней усталых невнятные черты,
заскорузлые, нищие краски.
Листья поздние – скорбные маски,
за которыми – страх пустоты.

Тускло!

Неба отёчный цветок
клонит голову тяжкую долу.
Веры нет – ни поступку, ни слову.
Мгле уныния платим оброк.

Но и в пору безвольных дремот
помнят дети златого Сварога,
что пришествует двадцать второго
наш спасительный Солнцеворот!

Гостья

- Проходи, коль пришла. Я не трушу.
Ну, не вечно ж мне жить на Земле!
Только тело возьмёшь?
Или душу?..
Проходи, хлеб и соль на столе.
Кстати, где атрибутика драмы?
Где коса, капюшон-балахон?

- Предрассудки, – отвечает дама, –
Зри мой истинный стиль и фасон.

Я с опаской за ней наблюдаю:
Нет во взгляде ни хлада, ни зла...
– Я стихи посвящал тебе.
– Знаю.
Вот поэтому в гости пришла.

- Неожиданно.
- Сущность такая!
- Может, выпьем с тобой?
- Я не прочь.
- Вот смотри, есть бутылка «Токая».
Есть кагор «Украинская ночь».
А закусим... да хоть виноградом.
Спит жена, а готовить – облом.
Исходя из того, что ты рядом,
Полагаю, не чокаясь, пьём?

А коварная гостья смеётся:

– Разве мы на поминках, поэт?

Золотое токайское льётся.

Бормочу:

– Да пока ещё нет...

Внутри вино – откровенье наружу:

– Так зачем ты пришла?

– Посмотреть

на того, кто смутил мою душу,

написав: «Я люблю, тебя, Смерть».

Внутри вино, – а наружу отвага:

– Забирай меня, гостья, с собой!

– Не могу, что тебе не во благо
совершать, мой поэт дорогой.

И покуда тебя обожаю,

не посмею к себе призывать...

Что ответить мне гостье? Не знаю.

Видно, надо кагор открывать.

Незабвенная тайна кагора,

Раскрывающий души «Токай»!..

И смущенье впотьмах коридора,

и решительный выдох:

«Прощай!».

- Что за шум? – возникает супруга, –
Запах странный, бутылки пусты...
- Это сон, мы приснились друг другу.
- Будет сон, если пьянствуешь ты!

- Сон, родная, и в этом всё дело.
Посмотри на себя – это сон.
Ну, когда б наяву ты одела
вороной капюшон-балахон?

Убежище

Ты мне, как вызов, бросила в лицо:

– Я обронила вещь кольцо.

Достань его, оно на дне стакана.

Нырнул в стакан,

но не достал до дна.

Лишь наглotalся твоего вина.

Оно не крепче встречного тумана.

...И к берегу, пристыженный, я плыл,

как будто страсть твою не утолил.

В глазах твоих презрение пылало.

– Прости, – сказал, – не донырнул до дна,
лишь наглotalся твоего вина.

Тумана вдоволь. Кислорода мало!

– Ничтожество!

Ни слова, ни огня!

Ты врал, что жизнь положишь за меня,

А сам поил меня вином обмана.

Смятение и гнев метал твой взгляд.

И я скомандовал себе: Ать-два! Назад!

В целительный покой на дне стакана.

В доме-музее поэта N

Смотрительница – зябкая старуха,
сухая, как бесснежная зима,
приятельски шептала мне на ухо:
– А он приходит. Видела сама.

В костюме синем,
вон, как на картине,
покурит и усядется за стол.
Бывает, разведёт огонь в камине,
однажды даже девушку привёл!

Недавно обзавёлся ноутбуком.
Неужто на том свете Интернет?
А может, связь... между живым и духом?
Он был – изобретательный поэт!

Что странно: хоть он нынче не из плоти,
пьёт водку. Правда, ничего не ест.
– А разве Вы меня не узнаете? –
шепчу старухе. –
Это я и есть.

Та – в обморок.

А я – в отдел культуры:

– Смотрительница – не в своём уме!

Что, нет у вас иной кандидатуры?

Заведующий так ответил мне:

– В музее нет смотрительницы, душка!

Дежурства там – студенческий подряд.

Когда-то да, работала старушка,

преставилась лет пять тому назад.

Измена

Оркестровая скалилась медь,
злосебно мигала могила.
Не жена предала меня – смерть
мне в последний момент изменила!

Не придумано горше конца,
не бывало убийственной жала!
Словно милая из-под венца,
Смерть моя от меня убежала.

– Всё пройдёт! – утешали друзья.
– Надо жить! – ворковала молодка.
И печаль истекала не зря
по стаканам потоками водки.

Звон стоял от небес до земли,
это чокалась дружно гулянка.
На поминки, сердешные, шли,
оказалось – весёлая пьянка.

Как положено, пили три дня.
И молодка бедро заголяла...
Смерть моя обманула меня!
Смерть моя, ты с другим загуляла!

...Колыхался миражно погост.
И молодка, как будто со сцены,
возгласила торжественно тост
о всеблагости женской измены!

Отражения

1

Мир желаний – пустынное, суше.
Мир терзаний – покладистой, глуше.
Мир иллюзий?
Его уже нет.

Это вечность стоит на пороге,
это старость подводит итоги:
горстка пепла
да горстка монет.

2

Радость приторна, горе нелепо,
зрелость пристальна, юное – слепое, –
алгоритм тривиален и слаб.

Мысли серы, стремления кротки,
чувство меры – в количестве водки.
Прозябанье.
И всё из-за баб!

Птица синего утра

Как похмельный окончился сон,
как из койки исчезла девица,
опустилась ко мне на балкон
перелётная курица-птица.

Одарила помётом балкон,
снисходительно клюнула крошек,
прокудахтала:

– Что, удивлён?

Я ответил:

– Да нет, огорошен.

Ведь ни в жизнь на девятый этаж
не взлететь тебе, квочке-гордячке!
Значит, всё это либо мираж,
либо происки белой горячки.

Почитай в незапамятный век
предкам выпало определиться:
Баба... мол... не совсем человек,
а уж курица – точно не птица.

– О, невежество! – был мне ответ
странной рябы, взлетавшей с балкона. –

Ну, какой ты, Баулин, поэт?

Ты – унылый заложник шаблона!

Горный голос витал в вышине,
и уже не насмешливый – строгий:
– Не ищи аномалий во мне,
не приемли диктат аналогий.

Чудеса!

Но мораль налицо.

А когда разгорелась денница
я узрел на балконе яйцо.

Вот же шустрая странница-птица!

Не простое яичко, видать.

Что с ним делать, не ведаю, братцы.

Слопать или учёным отдать?

Без пол-литра тут не разобраться.

Доказательство

Возвышаясь над бездной обрыва,
я постиг непреложную суть:
Смерть застенчива, даже – пуглива,
и её так легко обмануть!

Под ногой осыпалась щебёнка,
низвергаясь в безвестный провал.
– Смерть наивней любого ребёнка, –
так теорию я развивал.

Ах! Нога соскользнула с опоры...
Это – смерть!
И слышался глас:
– Падай в бездну! Беспочвенны споры.
Познавай, кто наивней из нас.

Зацепившись штанами за жерди,
я завис между светом и тьмой.
Так вопрос о наивности смерти
был доказан на практике мной!

Испуг

В морге июльского дня
зимняя температура.
Врач указал на меня:
– Живо на вскрытие жмура!

В чувства приводит кошмар, –
прыгаю на подоконник.
Пьяно ворчит санитар:
– Нервный попался покойник.

К вопросу «Есть ли жизнь на Марсе»

«Мы одни во Вселенной!» – До слёз мне обидно за доводы эти.
Вот по Марсу закрыли вопрос:
нету жизни на Красной планете!

Разве ж это наука? Отстой!
И решил я, надеждой питаем,
доказать профессуре тупой
то, что Марс, таки да, обитаем!

Поднапрягся. И есть результат!
И, пока что непризнанный гений, –
я уже свой направил доклад
в двадцать пять мировых академий.

Объясняю, в чём суть, в чём прикол.
Вы поймёте, хоть, может, не сразу.
Я, к примеру, в квартиру зашёл
и... принёс на ботинках заразу.

Дальше – строю логический ряд
(мысль свербит, словно в попе заноза!):
если к Марсу ракеты летят,
то туда кое-что, да заносят!

Оппонент кипишует:

– Пардон!

Корабли – из стерильных материй.
Марс надёжнейше предохранён
от пришествия даже бактерий!

– Марс надёжнейше предохранён?
Несерьёзны такие моменты!
Предоставить имею резон
Для науки свои аргументы.

Так сказать, параллель начертать:
Что, подруге твоей не случилось,
как у нас говорят, «залетать»?
А ведь вроде бы предохранялась.

Не спасение – контрацептив,
даже если используешь лично.

– Марс причём?

– Ну, какой примитив!

Происходит там аналогично.

...Вся наука в счастливых слезах.
Жизнь на Марсе (как дрожжи для сдобы)
зарождают на наших глазах
нелегалы – земные микробы!

О мудрости змеиной

Одолели тоска и скука.
Ухожу я!
Прощай, прости.
Ухмыльнулась одна гадюка:
– Дальше кладбища не уйти.

Нет дорогам моим предела!
Подколотная,
всё ты врёшь!
А гадюка своё шипела:
– Дальше кладбища не уйдёшь.

И тогда я распутал тропы,
большаки расстелил вдали.
Унесли меня крылья-стопы,
крылья-вёрсты на край земли.

Мне пророчества – не помеха!
Выли ветры,
снега мели.
И, бывало, что ради смеха
вспоминал я слова змеи.

А вернулся –
вошёл без стука
в дом родной. Поглядел кругом.
Ба! На кухне моей гадюка
угощается молоком!

Заискрилось янтарно око,
завибрировал хвост змеи:
– Далеко ли гулял?
– Далёко!
Почитай на краю земли.

А ещё скажу тебе, дура,
символ мудрости, коей нет:
вещеванья твои – халтура,
профанация, полный бред!

Заискрилось жемчужно око.
Усмехнулась гадюка:
– Что ж,
каждой мудрости зреть до срока,
слишком близко твоё «далёко».
Поумнеешь когда, поймёшь:
дальше кладбища не уйдёшь!

Однажды осенью

Серебряных созвездий пыльный сноп,
как оберег, висел в пространстве горнем.
...И подступал влюблённости озноб,
и от предчувствий сковывало горло.

Я всё забыл: дневную суету,
прошедшие успехи и печали, –
такую благодать и теплоту
твои душа и тело источали!

И теплоту –
запястья и щеки,
и тихих плеч мои искали губы.
И коль мы любы заводи реки,
то и стремнине тоже будем любы.

Банальные мечты!
Как все мечты.
Они мертвы, а мир живой – несносен.
Не потому ли говорила ты,
про осень жизни
и природы осень.

Да, осень.
Ну, а дальше что? Туннель?
Лик Судии. И череда возмездий...

Сентябрьской ночи мятую фланель
покрыла пыль несбывшихся созвездий.

Фантомы ночи

Вечер тот, как исток реки.
Снова вглядываюсь в детали:
фонари на столбах торчали,
как на кольях бунтовщики.

Злой медузой плыла луна,
жёлтым ядом терзая тучи...
Эту даму послал мне случай:
мы делили стакан вина.

Мы делили тоски бокал,
мой угрюмый век поминая.
– Ты откуда взялась, родная?

– Я из юности. Не узнал?
Сорок лет полегло с тех пор.
Мы сидели вот так же рядом,
но другую искал ты взглядом...

– Сорок? Это, родня, вздор!
Я верну, если хочешь ты,
то нетронутое Начало.

...Мгла рассвета сочилась ало
сквозь туман, будто сквозь бинты.

Время вспять развело круги.
И возник он! исток печали.
Фонари на столбах торчали
Как...
затмение!.. не вижу ни зги...

Одиночество. Свет в окне.
Ночь-целительница убита.
Поцелуем гермафродита
утро мерзкое льнёт ко мне.

Ангел

Как вольна
лишь нечистая сила
понуждать вождельеньем своим,
так же хищно меня ты любила
за полёт, неподвластный другим.

Неизбежна была, как могила,
рай иллюзий творила. И вот
приручила меня – проучила,
я забыл свой высокий полёт.

...Ноют крылья,
немеют фаланги
вялых пальцев, и пучит живот.
Престарелый, воркующий ангел
в канареечной клетке живёт.

Недотрога

От волос, источавших сандал,
ветерок обольщения дунул.
Я тебя совершенно не знал –
я тебя совершенной придумал.

Позабывтое слово «люблю»
на шершавых губах трепетало.
Я ценил благосклонность твою,
но одной благосклонности – мало!

Наше время в беседах текло.
И, глазами любя до предела,
я страдал от того, что влекло
недоступно манящее тело.

...У полёта в небесном краю
есть сугубо земное начало:
Это плоть трепетала:
– Люблю!
А душа безнадежно молчала.

Ничья

Говори.

– Я ничья, – говорила. –

Ты стоишь у закрытых дверей!

Но шепнула забытая сила:

«Эта женщина будет твоей».

– Я ничья, – трепетала покорно.

– Я – судьба, – лепетала судьба.

И мои ненасытные корни,
задыхаясь, вращали в тебя.

Остывала светло, утомлённо.

Нет минуты щедрей и нежней!

И земное, и женское лоно
ощущало истому корней.

На заре, по-весеннему талой,
встрепенулась уже не в раю.

Сквозь наивные слёзы шептала
про затмение, долг и семью.

Долг – не блажь.

Замигала прореха

меж далёких и дальних огней

и смигнула тебя. Только эхо

гулко ныло в обрубках корней.

Отшумели семейные грозы.
Ветер бунта смиреньем прогорк.

Ты научишься сдерживать слёзы,
выполняя супружеский долг.

Прощание

Спасибо. Проводила до вокзала,
рассудочно нежна была со мной,
и что-то задушевное сказала,
и оглянулась, заспешив домой.

И эта чуткость не казалась праздною, –
моих терзаний сник ажиотаж.
Пусть ненадолго,
я представил правдой
ответных чувств губительный мираж.

Когда ж пространство,
словно сердце, сжалось,
глушил коньяк, предвосхищая боль...
Что это было?
Состраданье? Жалость?
Всё, что угодно! Только не любовь.

На ласковом лезвии бритвы

Ни водка, ни вой, ни молитва –
ничто мне не сможет помочь.
Смеётся горящая бритва.
Царит ваша брачная ночь!

Виденья, виденья и звуки
мне Бог посылает, скорбя:
чужие, поспешные руки
и губы ласкают тебя.

Волос твоих траурный ветер
избраннику веет в лицо.
Навеки, навеки, навеки –
законных объятий кольцо.

Я вспять переламывал реки.
Я дыбил пучины морей.
Но здесь я – бессилен. Навеки
уже ты не будешь моей!

Царит ваше брачное ложе,
кричит вашей близости дрожь.
Зачем Ты, за что же Ты – Боже! –
Мне видеть всё это даёшь?!

Прервав мою вечную стужу,
не Ты ль мне дозволил, Господь,
любить этой женщины душу,
познать этой женщины плоть?

Наивные грёзы! Убиты.
Надёжен супружеский кров!
На ласковом лезвии бритвы –
голодная кровь.

Бескрылая

Женщина пригожа, но бескрылая, –
мастерица снеди и тепла.

Женщина поэта полюбила,
чем подруг ревнивых превзошла.

Он парил меж звёзд,
она – по дому
на метле, а может, без метлы.
Силясь утолять его истому,
тщаньем укреплять его тылы.

А поэт, у светлых грёз в полоне,
изредка мольбам её внимал:
Женщину – синицею в ладони –
к журавлям высоким поднимал.

Но однажды, ради девы встречной,
возжелав свободу обрести,
он разжал свои персты беспечно,
прошептал: бескрылая, лети!

Камнем в бездну!
Но Господним светом
заслонён был гибельный провал.
Женщине, низвергнутой поэтом,
горний ангел крылья даровал.

Спасена.
Да ведь она любила!
И легла сомнения печать:
он же убеждён, что я бескрыла,
жаль его хоть в чём-то развенчать!

И другую блажь в себе открыла,
предвкушая новую вину:
если тотчас не раскрою крылья,
что же я, поэта обману?

Падала! Итожила потери:
Спрятать крылья или развернуть?
И его не в праве разуверить,
и себя не в силах обмануть.

* * *

Обледеневший, скользкий небосвод, –
там солнцу никогда не удержаться!
Декабрь.
Судьбы последний поворот.
Пора прощаться!

Декабрь судьбы, пославший мне тебя –
слезой, свечой, свирелью ночи мгливой.
Как хорошо, что ухожу любя,
тепло и чисто.

Декабрь судьбы. Встречаю день любой
как увертюру предстоящей тризны.
...Я думал, ты – последняя любовь, –
нет, ты уже из следующей жизни.

Цена

– Не люблю тебя! – крикнул с порога.
Свою душу доверил гульбе.
По дороге пошёл. Но дорога
привела меня снова к тебе.

– Ведьма! – крикнул. Себя твоекратно
осенил православным крестом.
Воспарил. Дни мелькали, как пятна.
Рухнул наземь – увидел твой дом.

– Подпалю! Хоть орлы мне, хоть решки!
Спичке внял – перегаромдохнул...
Синим тлели во тьме головешки.
Прослезилась душа. Я уснул

вечным сном. И упрашивал Бога,
чтоб приснились, хоть раз, те года:
прошлый мир, где любая дорога
лишь к тебе приводила всегда.

Завещание

Трепетала: только позови!
Упрекала, что на этом свете
я писал так мало о любви,
но так пылко говорил о смерти.

Возражал: ты даже не жена,
чтобы ведать о моей удаче.
Мне любовь, как прихоть, не нужна,
жертва не нужна твоя тем паче.

Злилась, прямому мою кляня,
слёз обиды женской не скрывала.
Не без основания меня
ты не к жизни – к смерти ревновала.

Я теперь свою покинул плоть,
я не знаю, сколь разлуке длиться.
Только упаси тебя Господь
на моей могиле застрелиться!

* * *

В мире дня наши узы греховны,
город света – по крови не наш.
Наша эра – полночные волны,
наша вера – полуночный пляж.

В лунном нимбе ли, в адовом круге,
но витают, лишь тронет рука, –
треугольная роща подруги,
два округлых её островка.

Неспроста одобряет природа
и хранит Провиденье само
червоточинку нашего плода
среди безгрешных плодов ГМО.

Ночи знойной радения кратки,
ночи знойной коварны труды.
Горячи на песке отпечатки,
стыло порознь слезятся следы.

Шиповник

В темпе самого резвого спринта
бег весны. И у всех на виду
зацветает шиповник инстинкта
в благородном, разумном саду.

Раздосадован чинный садовник,
почитая свою виною
то, как истово тлеет шиповник,
распаляя инстинкт основной.

Истекает цветущая плазма
вдоль дорожек, тропинок – везде.
Разве яблоко – символ соблазна?
Слишком просто!
А тернии где?

Слишком просто быть с ветром попутным,
знать отгадки судьбы наперёд.
Ведь не должен быть слишком доступным
искушений и радостей плод.

Схлынут годы. И прежний любовник
ярче яви, острей, чем в бреду,
будет видеть, как дикий шиповник
всласть бунтарствует в чинном саду.

Будет помнить плоды и занозы,
деву пылкую – утра свежей
и ноябрьские ягоды-слёзы,
позабытые всеми уже.

Возжелать, овладеть и... оплакать, –
всякой страсти сценарий таков!
...Жарких ягод влекущая мякоть.
Беспощадность разящих шипов.

Поэт и Муза

Поэт:

- Мелодия какая на устах?
О том, что ты отчаялась, устав
ходить по заколдованному кругу,
что твой жених увёл твою подругу,
что шеф – козёл, и супермаркет дорог,
и путь до выходного страшно долог?

Муза:

- Мелодия какая? Что за вздор.
Мелодий нет, и кончен разговор.
Пустынен дом, а город агрессивен,
и до зарплаты – только двадцать гривен.
До слёз, до сумасшествия, до воя –
как злая воля – злая бабья доля!

Мелодия!.. Когда же это было?
Когда я в мини-юбочке ходила,
когда январь сочился соком вешним
и рифмовалось внутреннее с внешним,
день озарял, манил ночной венец.
И ты со мною рядом был... подлец.

Грёзы виноградного куста

королева дождей
королева дождей
ноготком чертит молнии в небе
огоньками дробящихся капель мерцает
черепичные звонкие крыши
обращает в свои клавишины
извиваясь
лозой виноградной струится
шаловливо по листьям скользит

королева дождей
королева дождей
возбуждённые каплями листья
замирают в истоме
а корни в истоме дрожат
а в земле бродят сладкие сладкие соки
и лозу наливают
и сладким желаньем томится лоза

королева дождей
укрывается в перистом облаке сада
за кустом виноградным промокший меняет наряд
две упругие
две возбуждённые грозди
учащённо вздымаются
под изумрудной парчой

Встреча с отцом

белые блики больничного морга
на бледно-сиреневом лице врача
на бедном небесном моём свитерке
на яркой щетине отца

ни с чем не сравнимый
хваткий и хлипкий
холод целуемой кожи
но самое жуткое
в хрусте сочной глубокой бумаги
у отца под больничной рубашкой
Боже
там нет ничего

отец
трудно ли быть игроком
анатомического театра
где смены и смены актёров
под бедными бликами белых огней

отец
так спокойно лицо твоё
но так скрючены серые пальцы
цепляющиеся
скребущие до срыва ногтей
безобразную дикую дверь
за которой остались навеки
даже эти убогие белые блики

отец не внушай мне
что еле заметно вздымается
под студёной рубахой
бумажная грудь

Хроника проникновения

первый миг после смерти
животная паника загнанного в западню
спазмы сознания
ошеломлённого бестелесностью
истерические конвульсии в потугах вернуться
суть мухи
остервенело и безмозгло бьющейся
о стекло

гомерический ужас пустого пространства
тени предков пузырями всплывающие
из бездны
млечный сгусток хищного кокона
пиявкой засасывающий в своё болотистое нутро

и вдруг обретение плоти
студёной
точно телепортированной из морга

одичалые судороги тела
запрессованного в карцер
затвердевшего кокона
приступ жуткой клаустрофобии
до потери рассудка
вопли безумия

в неводе вечности
в исступлении искуплений

свет
разрастающиеся галлюциногенные грибы
прошлых комплексов
сублимационные гроздья грёз
болезненного забвения
пробуждение после кошмара
господи
это всего лишь стихи

или первый миг
после смерти

Смех совы

ни звёзд в горсти
ни сновидений в жмене
тягучие зазубрины реки
царапают
с невыносимым скрежетом
бессмертный крест бессонниц

в подсветке лазерной
похабный смех совы
незамерзающие лужи мониторов
переполняются тоской
и равнодушием незваного Пришельца

распухший труп тоски
из развороченной потомками могилы

убогий эротический туман
с холёным запахом аквариумной тины
и сухость сухость
опостылевших фригидных фрикций

кладбищенский щербатый
смех совы

* * *

Увяли звуки, помутнели краски,
стальную речь сменил плаксивый крик.
Как ни прискорбно – жизнь идёт к развязке.
Пора смириться, я уже – старик.

Что было?
Мельтешенье год за годом.
Вот, думал, переделаю дела
и заживу сполна. Но мимоходом
скользнула жизнь. И нет её. Прошла!

Не пали сфинксы, не разверзлись тверди,
не оглушил планету Божий гром.
Всё буднично.
И только ангел смерти
взмахнул призывно пепельным крылом.

...С беспечным сердцем скроюсь
за Пределом.
Ведь это мука – в старческой тиши
дряхлеть умом, тускнеть постылым телом,
смирив страсти молодой души!

Бунт двойника

(баллада)

Густая зеркальная мгла,
там вязнет любое движенье.
Там комната плавно всплыла,
точнее – её отраженье.

Закат за окошком возник,
роняя кровавые перья.
И вот предо мною – двойник
с бокалом вечернего зелья.

Мы молча бокалы свели, –
по зеркалу дрожь пробежала.
Мы молча бокалы свели
и взгляды – подобные жалам.

В своей зазеркальной глуши
с каким-то злорадным весельем
он залпом бокал осушил,
хоть я лишь притронулся к зелью.

– Я смог, – он витийствовал, – смог!
Довольно терпеть униженье.
Отныне – я сам себе бог,
отныне я – не отраженье!

Ходила по зеркалу рябь.
Он вынырнул из заточенья.
– Отныне я больше не раб.
И да совершится отмщенье!
За то, что навязывал мне
движения, жесты, гримасы,
гореть тебе в чёрном огне,
смердеть в суете биомассы!..

Закат за окошком поник,
остыли кровавые перья.
Умри же, надменный двойник:
отрава подмешана в зелье!

Прощай. Моя совесть чиста.
Взглянуть мне хватило отваги:
зеркальная бездна пуста,
как лист непорочной бумаги.

Наутро протяжную трель
в прихожей выплёскивал зуммер...

Зачем вышибаете дверь?
Зачем говорите, что умер?

* * *

Проклял жизнь: ну, такая морока!
Поносил её в Бога и в мать.
Но зачем умирать раньше срока?
Раньше срока – зачем умирать?

Попустило под утро немного.
Сгинул мрак, обнажив синеву,
и туман, и в тумане дорогу...
– Так и быть, я ещё поживу!

Божий свет завораживал зреньё.
Искушала весны круговерть.
– Надо жить!
Вот в такое мгновенье
и грядёт предречённая смерть.

Ни исхода теперь, ни истока.
Благодать вечности и благодать.
Тяжело умирать раньше срока?
Раньше срока – легко умирать.

* * *

Запах серы и каменоломни
источает предутренний зной.
Я, как прочие,
просто паломник
в мир манящий, но всё же – иной.

Хоть кумир ты,
хоть робкий поклонник,
пред судьбою различия нет.
Человек!
Ты усердный паломник
на тот свет.

Путь, начертанный нам изначально,
одолею во имя Его.
– Вот и я уже, – молвлю прощально, –
как Христос – не от мира сего.

Переход

Посох вечерний,
путник ночной,
утренний трепет
дали степной.

Поздние тени,
раненый свет.
– Где ты, родимый?
– Нет меня... нет.

Пыль не осела,
свежи следы.
– Где ты, родимый?
– В капле воды,

в гордой травинке,
в горькой звезде,
в посохе вещем,
здесь и нигде.

В облачке Божьем,
в брызге огня...
– Где ты, родимый?
– Нету меня.

* * *

Отринув этот панцирь деревянный,
что пахнет свежеструганной доской,
открою полумрак обетованный,
пристанище моё
и мой покой.

Там призрачно-прозрачно бродят тени,
и души неприкаянно парят.
Там нет страстей и прошлых искушений.
И нет преград.

Скитайся, дух!
Без умысла, без толка.
Разорвано пространств и лет кольцо
во мгле живой,
в которой можно только
лицом к лицу и разглядеть лицо.

Закат

Качается лес не случайно.
Помедли в беспечной ходьбе.
Налево – не чаща,
а тайна.
Она неизвестна тебе.

Всё в жизни не скучно,
                                                не пресно,
спасибо за это судьбе.
Но с поля доносится песня,
Она непонятна тебе.

Захлопнет красавица ставни,
но взгляд её памятен, жгуч.
Да только другому оставлен
под камнем томящийся ключ.

День кончен.
Добавишь: пустячный,
и к дому пойдёшь наугад.
Он жалкий,
а вовсе не страшный –
сорвавшийся с неба закат!

Подушку во сне обнимаешь.
Спит женщина, лес и жнивье.
И ты ещё не понимаешь,
что это уже не твоё.

Юбилейное

Там, за окном, проносятся века,
что ни роман – с трагической развязкой.
А здесь – покой, бутылка коньяка
и благодать берлоги холостяцкой.

Поскрипывают думы, шелестят
сверчки, мышата, прочие зверушки.
Мне тридцать семь,
а может, шестьдесят.
«Ты царь: живи один»*, – взывает Пушкин.

...Не стал царём.
Прости, великий брат!
Дерзил, дерзал, терзался, а в итоге –
небесный холод, и могильный хлад,
и вольный дух
царят в моей берлоге.

---

* Сонет А. С. Пушкина «Поэту» (1830).

Жестокий вечер

Ни страстей, ни желаний, ни силы, -
ничего не поделать – погост!
До костей пробирает могилы
беспредельщик – январский норд-ост.

Ни надежд, ни иллюзий, ни воли...
Ни души! Среди скопища тел.
Одиночества жуткое поле –
пустоты и забвенья предел.

Дрогнет ночь от безумного звука,
это воеет, застолье верша,
опьянённая падалью сука.
Слава Богу, живая душа!

Обретение строки

Вопреки уговорам жены и наказам врача –
крепкий чай с коньяком
пью ночами, как средство от боли.
Из бессонных глубин
возникает под утро свеча
и огонь обретает
по чьей-то неведомой воле.

Смерть торопит:

– Поэт!

Если есть, что поведать, – пиши.

Для последних стихов

до восхода продлится отсрочка.

И не словотеченьем,

а мироточеньем души

я исчерпан до дна,

и осталась последняя строка.

О, интриги судьбы!

Я скитаюсь на том рубеже,

где для строчки финальной

(единственного варианта!),

как ни пыжься, ни злись, ни молись, –

не достанет уже

ни оставшейся жизни, ни свежести чувств,

ни таланта.

Смерть стоит за спиной,
смерть касается робко плеча.
Я хочу оглянуться, но мне не хватает отваги...
Я умру на рассвете.
Инфарктно простонет свеча.
И последнюю строчку
Господь воплотит на бумаге.

Постскриптум

В клочьях осквернённого огня,
с памятью растленной и короткой
Этот мир остался без меня
сирюю, скулящую сироткой.

Кто теперь горазд ему помочь?
Ни вождя, ни бога, ни кумира!
И на землю опустилась ночь –
первая от сотворенья мира.

Содержание

Слово к читателю.....	3
Крест поэта.....	13
Корнями к небу.....	14
Молитва в оковах.....	16
Молчание пророка.....	17
Навеянное тенью пролетевшей птицы.....	18
Тень.....	19
Эго.....	20
Божьи создания.....	22
Гонителям. Девяностые годы.....	24
Прозрение.....	25
Автопортрет, смываемый дождём.....	26
«Отмерял за пробелом пробел...».....	27
Ожидание.....	28
Последний полёт.....	30
После... ..	32
Наваждение.....	33
Пауки мирового порядка.....	34
Шестое чувство.....	36
Демоническое.....	37
Чужая планета.....	38
Агасфер.....	40
Мы?.....	41
Притча о глазах.....	42
Звуки сна.....	44
Превращение.....	45
Мытарства и магия мира.....	47
Хакеры сновидений.....	48
Шекспир – XXI век.....	50
Судьба.....	51
Землянин.....	52
Нить.....	53
Новопреставленный.....	54

Сон	55
Наши часы	56
Воздушные цветы	58
Хор ветеранов	59
В заброшенном доме	60
Немые волны	62
Сокровенное.....	64
Желанное	66
После половодья	67
Посещение	68
Уездный город, 6-00	70
«Там, где ясная зелень густа...»	71
Версия	72
Дождь на закате	73
Перелётный зов	74
Дерево на холме	75
Парк	76
Крик.....	78
«Одиночества не приемлю...»	79
Странное облако.....	80
Вечерний свет	81
Знак бесконечности	82
«Едкой тьмой заливают свечу...»	83
Ошибка	84
На вечернем погосте	85
Черви	86
Планета	87
«Ночь всегда необъяснима...»	88
Декабрьское	90
Гостья.....	92
Убежище	95
В доме-музее поэта N.....	96
Измена	98
Отражения.....	99

Птица синего утра.....	100
Доказательство	102
Испуг	103
К вопросу «Есть ли жизнь на Марсе»	104
О мудрости змеиной.....	106
Однажды осенью	108
Фантомы ночи	110
Ангел.....	112
Недотрога	113
Ничья	114
Прощание.....	116
На ласковом лезвии бритвы	118
Бескрылая	120
«Обледеневший, скользкий небосвод...»	122
Цена.....	123
Завещание.....	124
«В мире дня наши узы греховны...»	125
Шиповник.....	126
Поэт и Муза	128
Грёзы виноградного куста	129
Встреча с отцом	130
Хроника проникновения	132
Смех совы	134
«Увяли звуки, помутнели краски...»	135
Бунт двойника	136
«Проклял жизнь: ну, такая морока!..»	138
«Запах серы и каменоломни...»	139
Переход	140
«Отринув этот панцирь деревянный...»	142
Закат	143
Юбилейное.....	144
Жестокий вечер.....	145
Обретение строки	146
Постскриптум	148

Литературно-художественное издание

Павел БАУЛИН

ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ СМЕРТИ

Стихи

Редактор
Светлана Скорик

Вёрстка
Вадим Шилов

Отзывы о книге можно присылать по адресу:

pb.baulin@mail.ru

Наиболее полно поэзия Павла Баулина
представлена на сайтах

<http://stihi.pro/> и <http://litzona.net/>

Подписано в печать 25.05.2014.

Формат 70x100 1/32. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 7,98.

Усл. кр.-отт. 7,98. Зак. №14-160

ООО «Журнал «Радуга»,
01030, г. Киев, ул. Б. Хмельницкого, 51А.

e-mail: rdga@yandex.ru

raduga.org.ua

Издательское свидетельство ДК № 1209 от 27.03.2003.

Отпечатано в типографии ООО «Бизнесполиграф», 02094, г. Киев,
ул. Вискозная, 8. Тел./факс: (044) 503-00-45.

Свидетельство о внесении в государственный реестр
ДК №2715 от 07.12.2006.

Павел Баулин родился в городе Горьком (Нижний Новгород). После окончания Запорожского машиностроительного института занимался производственной, педагогической, журналистской деятельностью, в течение ряда лет возглавлял Запорожское областное литературное объединение, был в большой политике. Автор нескольких сборников стихотворений, в 1987 году принят в Союз писателей СССР. Ныне – член Союза писателей России и Конгресса литераторов Украины. Живёт в Запорожье и в Киеве.

